

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ

Абдурахмонов Камронбек Улугбек угли

магистрант

Ташкентского государственного юридического университета,
по специальности “Противодействие коррупции и комплаенс
контроль” E-mail: kamronabdurakhmonov0@gmail.com

тел: +998900417414

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15682577>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 25-May 2025 yil

Ma'qullandi: 28-May 2025 yil

Nashr qilindi: 31-May 2025 yil

KEY WORDS

коррупция, отмывание денег,
международный опыт, FATF,
UNCAC, антикоррупционная
политика, финансовый
мониторинг, правовое
регулирование, цифровое
управление, бенефициарные
владельцы, независимость
судов, прозрачность.

ABSTRACT

Коррупция и отмывание доходов, полученных преступным путём, представляют собой не только внутренние угрозы, но и международные вызовы, способные подорвать стабильность политических институтов, доверие к государству и устойчивость глобальной экономики. Особенно остро эти явления проявляются в условиях глобализации, когда правонарушители легко перемещают активы между юрисдикциями, маскируют их происхождение и используют пробелы в законодательстве разных стран. Настоящая статья посвящена анализу передовых зарубежных практик борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. В фокусе — правовые, институциональные и цифровые подходы, реализованные в таких странах, как Сингапур, США, Великобритания, Швейцария и Бразилия. В рамках исследования рассматриваются международные правовые нормы (включая Конвенцию ООН против коррупции и Рекомендации FATF), принципы уголовной ответственности, институты финансового мониторинга, защита информаторов и механизмы раскрытия информации о бенефициарных владельцах. Особое внимание уделяется значению политической воли, независимости антикоррупционных органов, а также цифровой трансформации госуправления как условиям успеха.

В современном мире коррупция и отмывание денежных средств приобретают всё более транснациональный и организованный характер. Эти явления наносят ущерб демократическим институтам, тормозят экономическое развитие, провоцируют социальное неравенство и способствуют усилению преступности. Международное

сообщество выработало систему нормативных и институциональных механизмов, направленных на минимизацию данных угроз, отражённых, в частности, в Конвенции ООН против коррупции (UNCAC), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и рекомендациях FATF.

Фундамент международного антикоррупционного законодательства заложен в Конвенции ООН против коррупции (2003), подписанной более чем 180 государствами¹. Она требует от стран не только криминализации коррупционных деяний, но и создания превентивных механизмов, систем контроля и международного сотрудничества. Важнейшим органом по борьбе с отмыванием денег является FATF (Financial Action Task Force). Его 40 рекомендаций определяют глобальные стандарты в части выявления, предотвращения и расследования отмывания доходов, полученных преступным путём. FATF настоятельно требует от стран пресекать легализацию преступных доходов вне зависимости от типа предикатного преступления, в том числе при отсутствии судебного приговора.

Сингапур представляет собой пример государства с практически нулевой терпимостью к коррупции. Комиссия по расследованию практики коррупции (СРІВ) обладает широкими полномочиями, включая тайные расследования, доступ к банковским данным и возможность изъятия активов². Строгость наказания сочетается с высокой прозрачностью государственного управления и цифровизацией услуг.

Соединённые Штаты эффективно применяют Закон о коррупционных практиках за рубежом (FCPA), позволяющий привлекать к ответственности как американские, так и иностранные компании за взяточничество за рубежом³. Кроме того, органы США активно используют статьи о конспирации с целью отмывания денежных средств. Большинство дел сопровождаются арестом активов через зарубежные банки.

Закон «О взяточничестве» 2010 года (UK Bribery Act) охватывает как внутреннюю, так и зарубежную коррупцию, вводя жёсткую ответственность за неэффективные меры по предотвращению взяточничества. Успешно реализуется система Unexplained Wealth Orders⁴, позволяющая пресекать коррупционные капиталы, источники которых не подтверждены.

Традиционно считавшаяся "гаванью" для анонимного капитала, Швейцария провела масштабную реформу банковской системы, усилив требования к должной осмотрительности клиентов (KYC) и автоматическому обмену налоговой информацией⁵. Швейцарские суды также конфискуют активы по делам о коррупции и отмывании — например, в деле Гульнары Каримовой.

Операция "Lava Jato" (Автомойка) стала знаковой в мировой практике: в результате масштабного расследования коррупции и отмывания денег в нефтяной компании Petrobras были осуждены сотни политиков и бизнесменов, а государству возвращены миллиарды долларов⁶. Это подчёркивает важность интеграции финансовых и уголовных расследований.

Анализ зарубежной практики позволяет выделить следующие ключевые инструменты: создание специализированных агентств с высокой степенью независимости (например, CPIB, FBI, UK SFO); финансовый мониторинг: системы анализа подозрительных транзакций, внутренний комплаенс, автоматизация банковского контроля; институт информаторов (whistleblowers) и защита лиц, сообщающих о коррупции; международное сотрудничество: экстрадиция, правовая помощь, общие расследования; принудительное раскрытие источников богатства (Unexplained Wealth Orders, Asset Disclosure)⁷; прозрачность и цифровизация госуслуг, минимизация человеческого фактора; конфискация без уголовного приговора (civil forfeiture) — особенно в делах с транснациональным элементом.

Несмотря на значительный прогресс, ряд проблем остаётся актуальным, а именно недостаточная независимость судебной системы в некоторых странах, проблемы в трансграничной конфискации активов, отсутствие механизма автоматической правовой помощи между юрисдикциями, рост использования криптовалют для отмывания преступных доходов.

Также стоит упомянуть о такой проблеме, как отсутствие унифицированного подхода к определению ключевых понятий. Например, то, что в одной стране может считаться коррупцией, в другой — воспринимается как допустимое административное действие или выражение культурной специфики. То же самое касается процедуры установления незаконного обогащения, а также требований по доказательствам в делах об отмывании доходов. Эти различия серьёзно осложняют транснациональные расследования и судебное преследование. В последние годы внимание международного сообщества всё чаще привлекается к роли частного сектора, включая банки, адвокатские конторы, аудиторские фирмы, трастовые компании, а также «посредников» — так называемых gatekeepers. Именно эти субъекты обеспечивают юридическую и финансовую инфраструктуру, необходимую для скрытия происхождения активов.

Эти реформы включали создание специализированных антикоррупционных агентств, внедрение электронных систем закупок, обязательное электронное декларирование имущества, а также привлечение гражданского общества к мониторингу эффективности реформ. В Грузии, например, после 2004 года была проведена радикальная антикоррупционная реформа, результатом которой стало резкое сокращение бытовой коррупции, упрощение процедур в сфере публичного администрирования и цифровизация ключевых услуг⁸. При этом были упразднены целые категории разрешительных органов, что позволило снизить административные барьеры и коррупционные риски. Эстония, как лидер в сфере цифрового управления, внедрила электронное государство с максимальной автоматизацией государственных функций, что привело к минимизации человеческого фактора и снижению уровня коррупции. Вместе с тем в некоторых странах, несмотря на наличие формально развитой нормативной базы, борьба с коррупцией затруднена из-за политизированности антикоррупционных институтов, отсутствия независимости судов и слабости гражданского контроля.

Таким образом, эффективность борьбы с коррупцией и отмыванием доходов зависит не только от наличия правовых норм, но и от реального функционирования институтов, политической воли, качества государственного управления и зрелости гражданского общества. Общим элементом успешных моделей выступает комплексность подхода, предполагающая совмещение превентивных мер, уголовного преследования, прозрачности финансовых потоков, международного сотрудничества и активного вовлечения общественности.

Примером может служить международный проект по возврату активов StAR, реализуемый Всемирным банком и Управлением ООН по наркотикам и преступности. Этот проект помогает государствам проводить расследования и возвращать коррупционные активы, незаконно перемещённые в зарубежные юрисдикции. Значительное внимание также уделяется институту раскрытия информации о бенефициарных владельцах, поскольку именно анонимные компании являются основным инструментом сокрытия активов. Регистры бенефициарных владельцев введены во многих странах Европы, а также рекомендованы ФАТФ и G20⁹. Практика показывает, что без открытости информации о собственниках компаний невозможно эффективно бороться с транснациональной коррупцией и отмыванием преступных доходов.

Несмотря на очевидные успехи и прогресс, достигнутый в ряде государств и на международном уровне в области противодействия коррупции и отмыванию денег, существуют многочисленные проблемы, вызовы и противоречия, препятствующие достижению реальной эффективности в этой сфере.

Одной из ключевых проблем остаётся различие в политической воле стран-участников. Даже при наличии формально ратифицированных международных соглашений, многие государства ограничиваются декларативными мерами, не предпринимая фактических шагов по реализации антикоррупционных и финансово-контрольных механизмов. Политизированность правоохранительных органов, зависимость судебной власти, низкий уровень ответственности государственных служащих, а также коррупция в самих антикоррупционных структурах подрывают доверие к системе и сводят на нет даже самые продуманные меры. Нередки случаи, когда антикоррупционные кампании используются избирательно, с целью устранения политических оппонентов или демонстрации «показной борьбы» перед международным сообществом¹⁰.

Однако практика саморегулирования и добровольного раскрытия информации показала свою недостаточность, в связи с чем в ряде стран были введены обязательные меры *due diligence*, санкции за неинформирование о подозрительных операциях, а также уголовная ответственность за соучастие. Тем не менее, значительная часть мира по-прежнему не требует раскрытия информации о конечных бенефициарах компаний, особенно при регистрации через посредников в офшорных юрисдикциях. Важной и недооценённой проблемой остаётся низкий уровень участия гражданского общества в антикоррупционной политике. Несмотря на декларации об открытости, доступе к информации и публичности процедур, на практике

неформальные барьеры, отсутствие института независимых наблюдателей, давление на журналистов и ограниченность правозащитных организаций существенно ограничивают возможности для общественного контроля.

Опыт ведущих стран мира показывает, что эффективная борьба с коррупцией и отмытием доходов требует комплексного подхода: сочетания жёсткой уголовной ответственности, проактивного финансового мониторинга, прозрачности управления и международной кооперации. Модели, реализованные в Сингапуре, США, Великобритании и ряде других стран, могут служить ориентиром для государств, стремящихся реформировать свою антикоррупционную политику. Вместе с тем заимствование практик должно сопровождаться их адаптацией к местным реалиям. Для Узбекистана, последовательно реализующего реформы в этой сфере, системный учёт успешного международного опыта представляет стратегическую ценность.

Список использованной литературы:

1. Конвенция ООН против коррупции, Нью-Йорк, 2003.
2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Палермо, 2000.
3. FATF. The 40 Recommendations. Paris, 2023.
4. Закон США о коррупционных практиках за рубежом (Foreign Corrupt Practices Act, 1977).
5. Закон Великобритании о взяточничестве (Bribery Act, 2010).
6. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023.
7. OECD. Anti-Corruption Network Reports, 2023.
8. Всемирный банк. StAR Initiative – Stolen Asset Recovery Program.
9. Гражданский кодекс Швейцарии.
10. Lava Jato – Case Files and Judicial Decisions (Brazilian Federal Court, 2014–2020).